

Это была победа. Пусть незначительная, но победа. Что будет дальше, Федор не знал. Он торопливо уходил по дороге, по которой вывозили кедр из распадка. Перейдя ключ, Немыкин остановился. Нет, он не мог ошибиться, это был шум приближающегося трактора. Недолго думая, он бросился в кусты.

В кустах Федор вспугнул медведицу с медвежонком, мирно кормившихся кедровым орехом. Медведица была старой, не раз стрелянной. Свой первый жакан она получила в таком же вот кедраче, когда на молодой невысокой кедрушке лакомилась молочными орешками. Загривок болел долго, рана зачервивела. Зверь, не имея возможностилизать, дотянуться до раны, терпеливо переносил боль, уйдя вглубь тайги. Второй раз выстрел прогремел на пасеке — сработал самострел. С тех пор она стала избегать людей, обходя стороной все, что пахло человеком.

Вынырнув из-за поворота, трелевщик остановился. Тракторист задрал голову, всматриваясь в макушку стоящего у дороги разлапистого кедра. Затем, развернув трактор, ударил в ствол отбоем. Шишки градом посыпались на землю. Федор опешил. Выскочив из кустов навстречу удивленному трактористу, он на бегу пальнул вверх из двустволки. Встал между трелевщиком и кедром, перезарядил ружье.

— Что ты творишь, гад?! — Немыкин, задыхаясь от негодования, снова выстрелил в воздух. — Убью! Слышишь! Не дай бог, после тебя увижу еще хотя бы одно вот такое изуродованное дерево!

— Ты что, мужик, охренел? — тракторист тарачился на Федора, как на невиданного зверя.

— А ты? Ты... — Немыкин, сузив глаза, играл желваками на скулах, со злостью глядя на тракториста.

Тот не знал, как ему поступить: спрыгнуть с гусеницы трактора на дорогу, собрать упавшие шишки или же не связываться с этим бородатым придурком, стоявшим перед ним с ружьем в руках.

— Да пошел ты... — психанул он. Сев за рычаги, ловко развернул трактор прямо на Федора. Тот мгновенно саданул навскидку в лобовое стекло пассажирского места. Трактор встал как вкопанный, словно наткнулся на невидимую преграду. Лицо тракториста, за секунду до того маячившее в водительской половине, исчезло.

— Эй, земляк! — окликнул его Немыкин. — Так ты понял, что я тебе сказал? — Федор намеренно выделил голосом слово «что». — Или до тебя еще не дошло?

Тракторист испуганно выглянул из кабины. Немыкин, накинув ремень ружья на плечо, стоял на прежнем месте.

— Тебе точно, мужик, лечиться надо. Сходил бы ты к психиатру...

Федор, ничего не ответив, сошел на обочину. Проводив трелевщик взглядом, таежник поднялся на склон сопки, к едва приметной ложбинке, туда, где бил родни-

чок. Подойдя к засыпанной осенними листьями лужице, снял рюкзак, раскопал ямку поглубже. Дождавшись, когда спадет муть, напился, обтер усы и бороду, посмотрел на разлапистые макушки кедров, вершины которых ломились от шишек. «Никаким колотом не возьмешь такие исполины до сильного ветра. Это раньше. Сейчас же на железных когтях лазают к самому верху, к развилке, подпиливая раздвоенную макушку ножовкой. А то и вовсе кедру валят бензопилой, ради шишек». Он присел рядом с деревом, положив ружье на колени. Провел рукой по вороненым стволам.

Двустволка досталась ему по наследству от деда Прохора. Прикасаюсь к ружью, Федор всегда вспоминал его — как шли они по хребту, как золотым сентябрьским пожаром пылали сопки, как радовала ласковым теплом приморская осень.

«Вот здесь, по этому склону, Федька, я высеял семена женьшеня, а вон там корень должен стоять», — улыбаясь, дед поманил его к себе, присел на корточки у валежины. Рядом стоял пятисучковый корень женьшеня с бледно-желтыми, слегка пожелтевшими листьями, с прямой упругой стрелкой, увенчанной одной-единственной ярко-красной, неопавшей ягодкой. «Ну что стоишь, давай копай!» — продолжал улыбаться дед, глядя на растерявшегося внука. Корень они выкопали не торопясь, поместили его в котелок, набитый мхом. Дед рассказал ему тогда, как нашел плантацию женьшеня здесь, по зеленке, недалеко от старого лободера. «Видать, еще со времен Арсеньева посадили», — любил добавлять он, вспоминая добрым словом картографа-первопроходца.

Домой идти не хотелось. «Да и где у меня теперь этот дом, после того как всадил я жакан в кедр над головой вальщика, выстрелил в трактор-трелевщик. Сейчас, наверное, всю милицию на ноги подняли, ищут». Федор, опустив голову, задумался. Воспоминания уносили его в далекую молодость, в глухую, тогда еще непроходимую Уссурийскую тайгу, от которой уже почти ничего не осталось...

Господин Колхозин вертел в пальцах оранжевый дубовый лист, слушая взволнованных лесозаготовителей, говоривших наперебой:

— Я уже развилку дорог миновал, — горячился тракторист, — а тут этот придурок бородатый как выскочит, глаза — во-о-о!!! Орет дурниной и целится прямо в меня...

— Все канистры с бензином расстрелял, — вторили ему братья-близнецы Рагулины, перебивая друг друга, — новую пилу засохатил, две пули над Пустохиной головой в кедр всадил!

— Вон с того склона палить начал. Бах! Бах! Слышим, кричит: если хоть одну кедру завалите, самих положу рядом с той же лесиной!

— Погодите, — перебил Рагулиных тракторист, — по-моему, я его раньше видел.

Все замолчали.

— Точно! Он около штабелей на нашей пилораме вчера был. Все ходил, ну-дид — кедр пилить нельзя, кедр пилить нельзя...

Колхозин, посмотрев на возбужденного тракториста, покачал головой — надо же, только с ментами договорился, чтобы лесовозы с кедрой не останавливали, и на тебе! Ну ничего, напишем заявление в милицию, найдут они этого аборигена, найдут, а сейчас за работу!

— А может, лучше Шабуне сказать, — предложил тракторист, — он без всякой милиции разберется.

— Посмотрим, — неопределенно ответил господин Колхозин.

— А если... — недоуменно посмотрел на него Рагулин-младший, перехватив взгляд работодателя.

— Никаких «а если», — на полуслове оборвал его Колхозин, раздраженно пнув простреленную канистру, — вам нужны деньги, мне — лес.

Обреченный кедрач весело шумел, радуясь жизни. Беззащитные исполины, покачиваясь от ветра, смотрели на маленьких, безобидных человечков, стоявших там, внизу, на теплой, ласковой земле, не скованной пока еще морозами.

— Ну надо же, — сплюнул Колхозин, бросив дубовый лист на землю, — только в лесхозе на лапу отстегнул...

Вернулся Федор домой поздно. Собака, учуяв хозяина, скуля и потягивая, радостно виляла хвостом. Немыкин улыбнулся.

— Чубайс, рыжая твоя морда! — он отворил калитку.

Чубайс, жадно обнюхав хозяина, продолжал вертеться вокруг него.

— Да нет у меня ничего! Сейчас вот за хлебом в магазин схожу...

Переодевшись в чистое, Федор вышел на крыльцо. Чубайс, сидевший под дверью, подошел к нему, ткнулся холодным влажным носом в руку хозяина.

— Эх, пес, пес, все-то ты понимаешь, говорить только не умеешь.

Пес, вильнув хвостом, вздохнул как человек.

— Я быстро, одна нога здесь, другая там. Хлебушка только в нашем магазине куплю.

— Ты что такой смурной? — продавщица, приветливо улыбаясь, подала мрачному Федору булку хлеба.

— Да так, — замешкался он, засовывая хлеб в сумку, глядя на стеллаж за спиной продавщицы. — Катерина, — Немыкин, деликатно откашлявшись, замаялся, — запиши-ка на меня бутылку водки, а я тебе с пенсии возверну, ты же знаешь.

Дома Федор так и не раскупорил купленную водку. Посидев в раздумье у хорошо протопленной печи, он сходил в кладовую. Принес пустые гильзы, пыжи и прочие боеприпасы. Забив капсюля, подсел к столу. «Двадцать два, двадцать три... — вставляя в патронташи-подсумки заряженные картечью и жаканами патроны, считал он.

— Воевать так воевать! А иначе как этих уродов остановишь. Все-то у них схвачено, все дозволено, все свои. И в лесхозе, и в администрации...» От злости, что зарождалась в нем, крепко ощущение правоты и уверенности в себе. Федор уже твердо решил, что обязательно остановит рубку кедра в его родном Немыкинском распадке. Засунув в патронташ последний патрон, он поднялся, подошел к окну. Тайга тревожно шумела, словно звала его. Неповторимая в своей осенней красе, она не могла пленить того, кто видел в ней лишь кубометры деловой древесины. Федор, тяжело вздохнув, закрыл форточку, оделся, решив сходить к другу — охотнику Спиридону.

Дом Спиридона стоял в конце распадка. Прямо за ним начинался кедрач, в верховьях которого Федор стрелял над головами лесозаготовителей. Дом состоял из двух половин — кухни с беленой облупившейся печью и просторной «горницы», как называл ее хозяин. В горнице стояла панцирная кровать, черно-белый телевизор на самодельной тумбочке, шифоньер и старенький диван. «Вот такое оно, жилище горняка-проходчика, ударника коммунистического труда, всю жизнь провкалывавшего на светлое будущее», — частенько смеялся Спиридон, кивая головой на многочисленные вымпелы, значки и почетные грамоты, коими украсил, вместо ковра, всю стену над своей кроватью.

— Проходи, Федя, проходи, — обрадовался хозяин, предложив выпить по такому случаю рябиновки, еще с прошлого года настоянной.

— Да нет, я, пожалуй, не буду, — стал отнекиваться Немыкин.

— Ну что ты, в самом-то деле? Сейчас грибочки из погреба достану, — суетился хозяин, ставя на стол дымящуюся картошку на шкварках с луком. — Я ведь и сам еще не ужинал.

— На вот, возьми, — высунувшись из погреба, протянул Федору трехлитровую банку с настойкой. А сам вылез с початой бутылкой спирта. Ничего не спросив, сдвинул граненые стаканы, налил в один из них спирта на два пальца, посмотрел на Федора.

— Хватит, хватит! — замахал рукой Немыкин.

— Хватит так хватит... — хозяин налил себе чуть больше, чем Федору. — Ну, будем!

— Будем!

— Я вот все, Федя, думаю, почему такая жизнь? — подхватив ложкой картошку, начал Спиридон. — Многое изменилось в худшую сторону, да так, что только руками разводишь. Рубят тайгу, простоявшую не одно столетие. Дуб, проросший из желудя и росший не менее трехсот лет. Вдумайся, из желудя! Столетия должны пройти! Столетия! Прежде чем восстановится вырубленная тайга. Да и восстановится ли? Самое страшное заключается в том, что людям без разницы — вырубят тайгу, не вырубят...

— Что верно, то верно. Много ума не надо, чтобы выпилить вековые деревья. Какие гнезда-заломы на дубах, в ключе Грушовом, по Сибайгоу были! Каждый год косолапый кормился в тех местах молочным желудем, обламывая дубовые ветви, подкладывая их под себя на дереве. Каждый урожайный год рылся там дикий кабан. Где они теперь, эти дубы и кедры?

Люди живут, не видя в этом никакой трагедии, а то и вовсе закрыв глаза, будто не они живут на этой земле. Скоро одни лишь бурундуки в Уссурийской тайге и останутся вместо тигров.

— И что? Что теперь? Закрывать глаза и нам, не замечать ничего вокруг, как это делают многие? Жить как все, по принципу — моя хата с краю? А тайга? Тайга, в которой они живут, мы живем, в которой будут жить их же дети, внуки, правнуки... Тайга, которая горит каждый год и вырубается нещадно. Как же тайга, Федя?

— Не знаю...

Сокрушались друзья о том, как бездумно распоряжаются чиновники вековыми лесами, спешно вырубая дуб и кедр — золотое руно Приморья. Как вольготно чувствуют себя в Кавалеровском районе различные предприятия и товарищества с ограниченной уголовной ответственностью, а то и просто наглые жучки-воровайки, имеющие лесовозы, понастроившие в своих дворах и огородах ленточные пилорамы.

— Оголили ключи, не питают они больше нашу Кавалеровку, воды-то совсем не стало против прежних лет. А смотри, как гуляет вода во время паводков да тайфунов, не впитывает вырубленный лес дождевую воду, — сокрушался изрядно захмелевший Федор. — Всю водоохранную зону уничтожили, сволочи, всю тайгу испоганили подрезными волоками.

— Может, еще по маленькой?

— Нет. Я больше не буду.

— Ну тогда попробуем, что тут у меня получилось. — Спиридон, налив по полстакана рябиновки, пододвинул к нему тарелку с груздями. — С лучком, постным маслицем, хороши! Под рябиновку само то.

— В распадке нашем собирал?

— Ну а где ж еще, — расплылся в беззубой улыбке Спиридон. — И как это его еще Колхозин с Духаниным до сих пор не выпилили, удивляюсь.

Федор ткнул вилкой в ядреный молодой грибочек:

— Сегодня уже пытались. Дотянутся и до этого распадка их руки загребушие. Сначала Цинковские кедрячи выпилили, потом Силинку, теперь за Немыкинский распадок принялись. Сколько кедра в Малом Цинковом стояло! Многие кавалеровцы там шишковали, а вот защитить кедряч никого не оказалось.

— Да-а-а...

— Вот поэтому и не хочется мне здесь оставаться.

— Ну и куды ты теперича? — попыхивая папиросой, насмешливо посмотрел на него Спиридон, дослушав рассказ Немыкина о расстрелянных им канистрах лесозаготовителей.

— Куды-куды, — передразнил его Немыкин, — на кудыкину гору.

— Смех смехом, — допытывался Спиридон, — а и вправду, Федя, куды?

— Да на Лагерную, куда ж еще. Землянка у меня там, сам знаешь. Винтовка Мосина в елке-дуплянке спрятана. Вот только затвор у нее...

— Затвор, говоришь, — перебил его Спиридон, затушив в пепельнице окурок, — а ну, пойдем со мною.

Деревянная лестница заскрипела под ногами хозяина. Разворошив соломенный матрас, Спиридон вытащил из него промасленную тряпку.

— Из ствола-то я вкладыш сделал под свой двенадцатый калибр, а затвор оставил, думал, еще сгодится. Вот и сгодился, бери! Мне ни к чему.

Домой Федор пришел изрядно захмелев. Рябиновка Спиридона растеклась по жилам приятной, легкой радостью — за друга, который всегда готов помочь в трудную минуту. Заснул он как-то сразу, как убитый. Снилось ему тайга. Его первая охота на медведя.

...С вечера выпал снег, пушистый и мягкий. Тайга, проснувшись в белом безмолвии, притихла, боясь поверить в сказку, простирающуюся окрест. Поднявшийся с рассветом дед уже успел развести костер, сварить суп из бельчатины, приправив его черным молотым перцем и лаврушкой.

— Ну, давай, Федор, ешь, — он, положив на стол алюминиевые ложки, пододвинул к нему котелок, — набирайся сил, идти хоть и недалеко, но вывершить хребет придется.

Федька, умывшись снегом, с аппетитом ел похлебку, слушая наставления. Дед повел его на крещение медведем напрямки, через сопку, так было короче. Солнце, выглянув из-за горизонта, брызнуло такой ослепительной яркостью, что само замерло в восхищении: как преобразилась тайга! Лес тут же ожил, наполнившись звуками: в кедраче пересвистывались рябчики, деловито стучали дятлы, перекликались клесты и сойки. Дед шел впереди, вел к берлоге. На макушке сопки, около приметной сторбленной березы с большим узловатым капом, он сделал затеску.

— Вот отсель, если пойдешь левее, попадешь в Балаганную, а правее — в верховья Силинского ключа. А ежели распадок обойти хребтом и протянуть еще с версту по верху, то окажешься в Малой Эрдагоу.

К берлоге подошли тихо. Дед встал на заранее подготовленное место. Федька подошел к матерой сухой кедре, в которой была берлога, и стал стучать по ней обухом топора. Стукнув несколько раз, отбежал в сторону. Дед стоял наготове, с двустволкой в руках. Он утвердительно кивнул головой. Федор подошел и снова постучал по дереву.

— Не хочет вылезать, — ворчал Прохор, — придется, видно, окно в кедре рубить, пошурудить палкой.

Федька стал рубить окно.

— Берлогу только испортим, испоганим, — продолжал ворчать дед, — такая берлога, словно медом намазана, медведь в нее так и прет.

Федька не успел прорубить отверстие, зверь не выдержал и, как говорят охотники, поднялся с берлоги.

— Пошел! Пошел! — закричал дед, приложившись к ружью.

Федька, помня наказ деда не стрелять, когда покажется голова зверя, выжидал. «Вот когда полностью перевесится, тогда и стреляй. Перезаряжай быстро, не мешкая, как будто белка ходом пошла». Дед выстрелил первым. Медведь, мешком свалившись с дерева, быстро вскочил. Но выстрелы гремели один за другим. Мотнув головой, зверь взвыл от боли и снова поднялся, но тут же, ткнувшись мордой в снег, затих. Прохор осторожно подошел к нему. Убедившись, что зверь убит, подозвал Федора.

— Восемь медведей добыл, этот девятый будет, — хвастал дед, вспоминая свои охоты на медведей.

Медведь оказался жирным. Вернее, это была медведица: когда начали шкурить ее, оказалось, что у нее было бы два медвежонка. Федору стало жалко медведицу и сразу расхотелось быть охотником. Но охота была необходимостью того времени. Изобилие медведя, дикого кабана, кабарги, изюбря в Уссурийской тайге никого не удивляло. В густых, еще не вырубленных кедрачах валом лежала кедровая шишка, в речке Кенцухе пеструшки водилось как грязи, а за Сихотэ-Алинским перевалом, в Даданцах и Футзине — ленка и хариуса. Пока кормила тайга, не думалось, откуда что берется. Казалось, что так будет всегда...

Будильник разбудил его, когда, не разделяя радости деда от удачной охоты, Федор нес медвежий жир, печень и желчь в котомке, глядя, как впереди тяжелый рюкзак с медвежатинной кровит на шинелку деда. Ему хотелось отмыть тогда перепачканные кровью руки мылом. Отмыть не снегом, а именно мылом. Почему? Федор думал об этом, слушая, как громко тикает будильник. «Восемь медведей, этот девятый. Э-эх!»

Еще в потемках поднялся Немыкин на склон сопки. Поглядывая на светлеющее небо, ждал. Ждал терпеливо, зная, что Колхозин не отступится, не угомонится, пока не возьмет свое.

Рассвет наступал медленно. Немыкин посмотрел на часы. Тайга просыпалась нехотя, сродни рассвету, наполняясь знакомыми шорохами и голосами птиц. Наконец он услышал то, ради чего пришел сюда.

Выехав на поляну, микрогрузовик остановился.

«Раз, два, три», — пересчитал лесозаготовителей Немыкин, отметив про себя, что братьев Рагулиных сегодня нет. Мужики, неторопливо разгрузив машину, распили бутылку водки.

— Ну что, Пустоха, работенки у тебя сегодня не бей лежачего!

— Если опять снайпер не помешает, — угрюмо буркнул Пустоха, посмотрев на склон сопки, откуда стрелял Немыкин.

— Не помешает! — ощерился в неприятной улыбке водитель микрогрузовика, подавая ему бензопилу. — Колхозин говорит...

— Да пошел он, — цыкнул сквозь зубы Пустоха, выругавшись матом в адрес своего работодателя, — не в него же стреляли.

Федор привычным движением выдернул два патрона из патронташа. Вальщик подошел к дереву. Упершись в пилу коленом, рванул стартер. Немыкин, переломив двустолвку, засунул патроны в патронник. Пустоха, обойдя дерево, посмотрел вверх, поправил на голове шапочку и мягко вогнал шину в ствол дерева. Федор взвел курки. Задержал дыхание, прицелился и плавно нажал на спуск.

Разбежавшись в разные стороны, испуганные лесорубы после недолгой переключки собрались около микрогрузовика, посовещались вполголоса, что же им предпринять, поглядывая туда, откуда стрелял Немыкин.

— Правы были братаны, не нужно было без Колхозина сюда ехать, — согласился с угрюмым сутуловатым мужиком Пустоха. — Что у него на уме, у этого, — он кивнул головой в сторону склона, — кто его знает. Два раза предупредил, а третий...

Рагулины, отказавшись валить кедр в Немыкинском распадке, решили сходить на брусничник, на Темную. «Недалеко Федькино зимовье, можно и заночевать, если что, — рассуждали они. — Пока Колхозин все утрясет, пока разберется со всей этой стрельбой, брусники наберем...»

Брусника была уже обобрана кем-то. Жора предложил пособирать хоть такую ободранную бруснику. То тут, то там попадались непереваренные медведем кучки ягоды. Посмеиваясь над трусоватым братом, наблюдая за ним исподтишка, Жора вдруг поднял палец вверх:

— Слышал?

— Нет, — испуганно вытянул шею Стас.

— Вон там, — махнул рукой наугад Жора.

— Теперь вижу... — присел со страху Стас. — Жора, да там их два.

Жора рассмеялся:

— А где же третий?

— Не знаю...

Жорик продолжал подтрунивать над братом:

— Да не трясись ты, пошутил я.

— Жора, там, правда, медведи.

Рагулин-старший аж перестал собирать ягоду. Медведи мирно прохаживались по кромке брусничника. Жора удивленно присел. Достал обрез, зарядил оба ствола жаканами.

— Что теперь? — прошептал Стас растерянно. Он хотел было приподняться, посмотреть на медведей, но Жора схватил его за плечо.

— Не высовывайся! — прошептал он. — Давай поднимайся вон к той скале, к расщелине.

Небольшая скала с расщелиной, переходящая в каменную осыпь, по которой были разбросаны плешины брусничника, возвышалась над склоном чуть выше их. Братья, стараясь не шуметь, поднялись к ней, затаились. Медведей отсюда не было видно. И вдруг они неожиданно появились на осыпи напротив.

Уверенная в своей безопасности, медведица неторопливо обедала ягоду у кромки багульника. Подойдя к скале, она насторожилась. Медвежонок направился было выше, но тут Жора, приподнявшись, выстрелил. Медвежонок закувыркался вниз. Медведица ломанулась в багульник, с треском продираясь к спасительному пихтачу. Жора пальнул ей вдогонку.

— Бежим! Быстрее! К немькинскому зимовью!

Стас, вскочив, рванулся сквозь багульник, забыв про ведро.

Бежали быстро, насколько позволяла тайга. Запыхавшись, останавливались, прислушивались и снова бежали, оглядываясь назад.

— Пересидим до утра в избушке, переночуем, — тяжело дыша, говорил Жора, — а утром, посветлу, уже не так страшно.

Смертельно раненный медвежонок неподвижно лежал на осыпи. С трудом поднявшись, уткнулся носом в след матери и побежал по нему, спотыкаясь и падая. Не добежав до багульника, упал, скатился вниз по осыпи. Несколько раз дернулся, ткнулся головой в камни и затих.

Вернувшись на брусничник ночью, медведица долго нюхала детеныша, вылизывая рану. Но медвежонок был мертв. Запах смерти наконец коснулся ноздрей зверя. Встав на дыбы, она смотрела в удивительно чистое небо, в котором мерцало созвездие Большой Медведицы. Звезды дрожали как слезы. Они как будто плакали над медвежонком, касаясь его холодным светом вечности, принимая невинную душу звериного дитя. Тяжко вздохнув, как человек, медведица легла рядом с мертвым детенышем. Животные не плачут, когда им больно. Они терпеливо переносят боль, зализывая раны, не сознавая, что это последний миг их короткой и бурной жизни — мгновенье, которое отнял у них человек. Какое может быть сознание у зверей? Они же не люди, они же звери! Да и что такое смерть медвежонка? Всего ценнее ведь человеческая жизнь...

Пролежав до рассвета, медведица поднялась. Обнюхав стреляные патроны, выброшенные Рагулиным на осыпи, зверь ощерился. Злобно разорвал гильзу пополам и направился по следам людей, убивших ее медвежонка. Увидев немькинское зимовье, медведица, выдерживая расстояние, обошла его, настороженно

прислушиваясь. Подойдя вплотную, ухватилась за край венца, попробовала выдернуть бревно из сруба. Видя, что не получается, залезла на крышу и стала рыть глину, которой Федор утеплил потолок. Проникла в жилище, разорвала в клочья фуфайку Федора, грома и круша все, что было пропитано его запахом, что попало под ее тяжелую медвежью лапу.

Стас и Жорик ушли из зимовья буквально за полчаса до разгрома. Убедившись, что медведь их не преследует, наконец-то успокоились. В распадке братья вдруг наткнулись на свой лободер и решили прочесать знакомый склон. Корневщики они были не бог весть какие. Но, говорят же, везет дуракам.

— Смотри-ка, Стас! Да вот же, прямо у тебя под носом! — обрадовался Жора. Встав на колени, он торопливо снял рюкзак. — Целых три штуки! Один около другого!

Братья, выстрогав из еловых сучьев палочки, быстро принялись за дело. Корень, разрубленный упавшим сучком на три части, погрызенный мышами, выжил, став тремя самостоятельными корнями.

— Представляешь, если бы он целым был? Сколько бабок можно было за него урвать! — Жора привстал, оглядываясь по сторонам.

— Что? Еще один коре... — Стас не договорил. Да это же Немыкин!

— Здорово, мужики!

Немыкин стоял с травинкой в зубах, прислонившись к дереву.

— Здорово, — буркнул Жора и, посмотрев на брата, сунул руку в рюкзак, нащупывая обрез.

— Не надо, Жора, не доставай! Я ведь с миром к вам.

— Ага, — буркнул Жора, — а в Пустоху-вальщика кто стрелял?

— Ваш Пустоха столько кедра вокруг поселка загубил! А вы? Вы же, братья, лесом живете. Кедровой шишки в прошлом году, сами хвастали, на восемьдесят тысяч сдали за полтора месяца.

Жора не ответил, покосившись на брата, вынул руку из рюкзака. Немыкин подошел ближе, присел рядом с ними. Те удивленно переглянулись. Немыкин улыбнулся.

— Вам бы, братья, беречь те кедры, — продолжал Федор, — они же вас кормят.

— Беречь? Для кого? Для Шабуни или Колхо... — Стас осекся на полуслове — Жорик незаметно толкнул его в бок локтем.

Объяснять что-либо Рагулиным было бесполезно. Братья и сами воровали кедр, вывозя его втихаря на пилорамы бывшего ремстройцеха.

— Давайте поговорим, — нарушил затянувшееся молчание Немыкин. — Нельзя так, мужики, жить. За деньги последнее дерево, последнюю кедровую падь...

Разговор затянулся дотемна. Одни упрямо твердили, что работы нет, что жить-то как-то нужно. Другой — что нельзя так жить, что нужно сберечь то, что еще осталось от Усурийской тайги. Стемнело. Костер, подле которого они мирно беседовали, угас. Федор задумчиво смотрел на редкие всполохи пламени, освещавшие лица близнецов, таких разных, непохожих друг на друга по складу характера.

— Должен же кто-то защищать беззащитную тайгу.

— Но не так же.

Немыкин, ничего не ответив, поднялся. Закинул за плечо двустволку, беззвучно растворился в темноте.

— Переночуем здесь. — Жорик посмотрел в сторону, куда ушел Немыкин, подбросил сухих веток в затухающие угли. — Разведем костер побольше. Спать будем по очереди.

Федор оглянулся на костер, вспыхнувший ярким пламенем, и, зарядив ружье, вышел на дорогу. Внезапно сзади раздался треск. Все произошло быстро и неожиданно.

Медведица, выскочив из темноты, набросилась на него, подмяв под себя. Федор не успел выстрелить, двустволка выпала из рук. Он схватился за нож и потерял

сознание. Нестерпимая боль пронзила все тело, словно молния, окутав мозг густой и липкой, как кровь, темнотой.

...Ему мучительно хотелось пить. Ручеек тек где-то рядом, Немыкин, придя в сознание, слышал его журчанье. «Где же ты, где?» Он хотел подняться, но вместо этого взмыл в небо, оказавшись на вершине горы Темная.

«Смотри, Федька! Какая богатая у нас земля, — голос деда звучал явственно, совсем рядом, — и все на ней наше, народное, твое и мое — всех советских людей!» Оказавшись на макушке сопки молодым, задорным, Федор восхищенно вглядывался в просторы девственной Уссурийской тайги, слыша то, что уже слышал однажды: «Это у них там, у капиталистов, пляжи частные, водоемы господские. Везде все табличками утыкано — частная собственность! А у нас все наше — народное. Все бесплатное: и образование высшее, и лечение курортное. Завидуют, небось, буржуины. Все у нас для человека труда, и труд всякий в почете. На одну зарплату горняка в любой конец Советского Союза улететь можно, туда и обратно. Хоть в Крым лети, хоть на Кавказ, хоть в Среднюю Азию, Молдавию или Украину... А то в Сибирь-матушку или на Камчатку! Ни у кого такой страны нет! По крупичам ее цари наши собирали, из многих народов». Слова деда Прохора мягко звучали в его сознании. «Смотри, Федор, любуйся, экая красота! Куда ни глянь, величественные кедрачи и ельники!»

Немыкин смотрел на них, густо стоящих по гребням сопок, манящих за горизонт своими лесистыми нескончаемыми хребтами.

«Ни дорог, ни селений! — дивился дед. — Тайга, тайга...»

Внезапно все переменялось. Свинцовые тучи затянули небо. А когда они развеялись, то стоял Федор уже один, такой, какой он был сейчас: беспомощный и старый, и не было перед ним никакой тайги, а были лишь изуродованные сопки, изрезанные подрезными волоками, редкий сухостой да одинокие деревья, чудом выжившие в «лесозаготовительной мясорубке». Куда ни глянь — дороги, дороги...

С рассветом братья Рагулины, залив костер водой, вышли к тому месту, где прошел Федор.

— Медведь ходил по дороге, — Жора, остановившись у полувысохшей глинистой лужи, присел на корточки, — здоровенный! Лапица, видишь, какая. Смотри! — он показал рукой впереди себя.

На дороге лежала двустволка Немыкина с расщепленным прикладом. Стас поднял ружье, заглянул в стволы.

— Всего один патрон. А где же стреляная гильза?

— Да не стрелял он. Если бы стрелял, мы бы услышали, здесь же недалеко. — Жора, вытащив из рюкзака обрез, насторожился. — Слышал?

— Нет. — Стас побледнел, его трясло от страха, словно в ознобе.

— Вроде еще живой. Видишь, где он его привалил? Вон там, в завале у ручейка.

Немыкин, очнувшись, застонал. Боль, сплошная боль во всем теле. Хотел подняться и не смог. На грудь давило что-то тяжелое. Вспомнив произошедшее, он понял, что медведь оттащил его в кювет, завалил корягами.

«Вот и все!» — бухнуло в голове глухо, словно выстрел из прошлого в ту первую, убитую ими белогрудую медведицу, поднятую зимой с берлоги. Морозное утро окрасилось картиной свежавания мускулистой туши. Выпотрошенные из утробы медвежата, выложенные на тяжелую медвежью шкуру, которую они с дедом зарыли в снег, виделись ему так явственно, будто все это происходило сейчас — в реальном времени.

«Бух!» — снова бухнуло в голове. Ослепительное белоснежье, брызнув солнечными лучами, разбилось на мелкие осколки: вот он, совсем маленький, стоит в цветнике, в георгинах, рядом с матерью, жмурясь от солнца... Вот сидит за кухонным столом, застланным клеенкой, делает уроки. А вот уже повзрослевший идет в колонне демонстрантов по центральной улице поселка Хрустального, солнечного, украшенного красными флагами, держа в руках кумач Первомая.

Немыкин видел самого себя постаревшего, у ограды в огороде обрывающего мерзлые кисти калиновых ягод, подслащенных морозом. Пробуя на вкус, он складывал ягоду в большое цинковое ведро. Неожиданно ведро опустело. Федор, оказавшись у колодца, зацепил его за крючок карабина и опустил вниз. Вытащив, перелил воду в домашнее, эмалированное, с отбитой на дне эмалью, появившееся каким-то образом на краю колодца. Прозрачная колодезная вода заполнила пустое ведро. Ржавое пятно на его дне заколыхалось, то расплываясь, то вытягиваясь, наконец застыло на месте. Федор наклонился выпить. Пятно, закачавшись, ожило. Увеличиваясь в размерах, оно трансформировалось в оскаленную пасть разъяренного зверя. Немыкин застонал.

— Слыхал? Стонет!

— Пойдем, Жора, — Стас, стоя на дороге с двустволкой в руках, нервничал, озираясь по сторонам, — пойдем, а? Пока медведь не вернулся...

— Заткнись! — Жора стал разбирать медвежий завал.

— Тебе это надо? — скулил Стас, съезжившись от страха. — Пойдем, Жора.

— Заткнись, я тебе сказал! — спокойным голосом повторил Жора, продолжая высвобождать Федора.

Рагулины вынесли его к поселку.

Немыкин выжил. Медведь сильно погрыз ему ногу, повредив сухожилие. Вытек левый глаз, а на обеих руках, от локтей до запястья, остались следы от медвежьих когтей. Федор долго лежал в больнице. А когда вышел из нее, запил.

Пустоха-вальщик, узнав, что Немыкина помял медведь, от своего заявления отказался.

— Пуля-дура, — оправдывался он, — ну попала случайно в дерево, не в меня ж, и потом, я же не видел, кто стрелял, — обосновал он свой отказ. Тракторист тоже отказался идти в свидетели, рассудив, что сам бог наказал Немыкина.

Какое-то время Федор почти не выходил из дома, не открывал никому дверь. Через неделю, не выдержав своего затворничества, закупив продукты, ушел в тайгу. Прихрамывая на левую ногу, он уходил все дальше и дальше от родного поселка, унося свою обиду на людей, ставших равнодушными ко всему, кроме денег. Первые несколько километров дались ему нелегко. Рюкзак был тяжелым. Федор, осторожно ступая, перешел речку Лагерную, свернул под сопку, где проходила дорога.

Дорога была хорошая и, хотя по ней почти не ездили, не заросла травой. Ему было приятно идти вдоль не вырубленного пока еще господином Колхозиным кедрача, в котором он, впрочем как и многие его знакомые из поселка Фабричного, шишковал в урожайные годы. Дойдя до знакомого распадка, Немыкин взмок, распарился. Не снимая рюкзака, присел на склоне, вытянул покалеченную ногу. В колене ныло. «Вот не повезло, — поморщился Федор, — и ногу скурчавило, и без ружья остался». Двустволку Федора Рагулины сдали в милицию. Разрешение на оружие у Немыкина было просрочено, а новое он так и не получил, не прошел медицинскую комиссию. «Без двустволки будет туго, — сожалел он, — купить незарегистрированное ружье с рук не так-то просто, проще купить автомат Калашникова. Вот только если объявления в газетах посмотреть».

Вспомнив про газеты, Федор достал из кармана сложенный вчетверо листок. «Говорят, деньги не пахнут», — прочитал он заголовок своей будущей статьи, на-

писанной в районную газету «Авангард» еще до встречи с медведем. Развернув листок, он стал читать дальше, про себя, шевеля губами: «Возможно, это и так, но, уважаемые господа, что же это за объявления такие у вас в газетах? Куплю у населения липу, дуб, ясень...»

— Нельзя такое в газетах печатать, нельзя, — ворчал Федор, — ну что это за безобразие? Какой-то хитрожопый дядя Ваня пишет в своем объявлении: «Куплю лес-круляк у населения», и такое безо всяких проблем печатают чуть ли не в каждом номере региональной газеты «Северное Приморье». Как это понимать? Разве медовое дерево липа или же ясень выращивается у населения на дачных участках, в огородах, как, например, картошка или же морковка? Неужели редактор, пропустивший в печать такое объявление, этого не понимает? Значит, заплати деньги за объявление и спи спокойно, жди звонка. А полунищие, полупьяные безработные срубят тебе последний кедр, дуб, липу... ведь никакой ответственности за такие объявления, как говорится в приписке, сделанной в конце газеты, редакция «Северного Приморья» не несет.

Тяжело вздохнув, стал подниматься к макушке сопки. Там, в сухом дупле старой ели, в промасленной дерюге была спрятана у него винтовка Мосина и несколько патронов к ней. Что винтовка там, Федор не сомневался, в прошлом году он проверял свой схрон, смазал ее оружейным маслом. Но винтовка не дробовое ружье, патроны к которому можно зарядить самому: и пулю, и дробь, и картечь. Сквозь кусты тоже не выстрелишь, пуля уйдет в рикошет. Нарезуха, без гладкостволки, в Уссурийской тайге бесполезна, да и патронов к такой винтовке уже не достать. «В тайге двустволка все же сподручнее, и зверя с жакана, с двух стволов как кувалдой жажнешь, и картечью косулю сквозь кусты прошибешь», — рассуждал он, приближаясь к знакомой ели.

Винтовка оказалась на месте. Федор, достав ее из дупла, осмотрел. Поправил прицел. Протерев каждый патрон, открыл затвор, вдавил их в магазин трехлинейки. «Ну вот и все, теперь можно идти к землянке».

Землянка, срубленная из бревен, приподнятых над землей в четыре венца, как и ее хозяин, словно потеряв интерес к жизни, сиротливо смотрела открытой настежь дверью. Внутри было сыро и отдавало прелью гниющего дерева. Подвешенные к потолку капканы поржавели. Федор снял их, бросив всю связку к порогу. Присел на нары. Жерди, не выдержав веса человека, затрещали.

«Все менять нужно: и плахи, где висели капканы, и жерди на нарах... — он подошел к печке, заглянул в топку. — Как был я здесь в прошлый раз, так, видимо, с тех пор никого и не было».

Немыкин быстро подправил свое жилище, обживая его. Он еще не решил, как будет жить дальше. Уединившись в тайге, он испытывал странное состояние — ему было легко и свободно без людей. Не хотелось возвращаться домой, по крайней мере, сейчас. Здесь было хорошо и уютно. Здесь он жил той жизнью, которая ему нравилась, а не той, которую диктовал ему поселок. В тайге не нужно лукавить, изворачиваться, кривить душой, не нужно подстраиваться под мнения других людей. Ему было удобно жить не по механическим часам, придуманным человеком, а по своим — биологическим, которые шли размеренно, не отставая и не торопясь, подчиняясь привычным законам природы. Здесь все было иначе — незыблемо и просто. Федор подолгу засиживался у вечернего костра, вспоминая прошлое — лесистые хребты Малой Эрдагоу, еще не вырубленные господином Колхозиним, по которым они разошлись с дедом Прохором, белкуя по осени.

...В тот год он впервые ушел белковать самостоятельно. Первую белку увидел сразу же за избушкой. Она сидела на нижнем сучке кедров, сердито цокая. Федька прицелился и промазал. Белка ушла ходом, перепрыгивая с дерева на дерево. Неожиданно на кедре, под которой он стоял, раздался шорох. Пепельная белка с

пушистым черным хвостом носилась как угорелая вокруг ствола, за ней гонялась лимонно-рыжая харза, с черной головой, настороженными ушками и таким же черным пушистым хвостом. Харза не отставала от мечущегося зверька ни на секунду. Белка перескочила на соседнее дерево. Куница быстро перепрыгивала с ветки на ветку, настигая ее. Федька никак не мог поймать на мушку проворную харзу. Дернув за курок, он снова промазал. Харза, мелькнув желтоватым брюхом, ушла ходом, а белка затаилась где-то в густой еловой макушке. Подняв сук, мальчишка постучал по стволу ели. С нее тут же испуганно спланировала летяга.

Третью белку он подстрелил со второго выстрела, чуть выше распада. Затем спугнул сразу двух на макушке сопки, но они, затаившись где-то на дереве, так и не выдали себя. Белки было много. Она, шурша листвой, бегала по кедрачу. Одну Федор загнал на дерево. Пока он перезаряжал ружье с пулевого заряда на дробовой, она перебежала выше по дереву и затаилась. Федька выжидал. Прошла минута, вторая... белка, не выдержав, цокнула, выдала себя. В эту он попал с первого раза. К полудню у него кончились патроны.

«Восемь белок за первую охоту! Молодец! — похвалил его дед, с улыбкой глядя, как, торопливо развязав рюкзак, мальчишка вывалил на землю целую кучу белок. — Другой раз, — учил он его, — чтобы не таскать лишнюю тяжесть, снимай шкурки сразу, сворачивай их в клубок. А уж на зимовье, вечером, обезжирим их и повесим на просушку».

Висевший над костром чайник выпустил струйку пара, забренчав крышкой. Похлебка в котелке весело забулькала, напоминая ему, что и она уже давным-давно сварилась. Федор снял с таганка котелок, двинул чайник на край, поближе к рогульке. Заварил лимонник в большой эмалированной кружке. Выпрямившись, расправил плечи.

— Хорошо-то как, господи! — выдохнул он, глядя на гряду темнеющих вечерних сопкок, где, плавясь в закате, неторопливо догорало солнце. Федор в восхищении смотрел на раскаленное горнило, полыхающее над тайгой, дивясь дремучей таежной красоте кедровых исполинов, к которым люди были равнодушны. Интерес к ним проявлялся лишь в урожайные годы кедрового ореха. Вот тогда они вдруг вспоминали, что в том или ином распадке рос кедрач, в котором они собирали шишку, а теперь... Теперь вот и сюда, в Лагерную, бульдозер подогнали, вагончик привезли, не сегодня-завтра начнут...

— Подумать только! — восхищался Шабуня, глядя на кедрач. — Какие «бабки» стоят!

— Триста лет нужно, чтобы такой лес вырос, — бросил водитель джипа, вырвавшийся на деляну.

— Гонишь! — недоверчиво посмотрел на него Шабуня.

— Я сам читал в каком-то научном журнале.

— Ты че, еще и научные статьи читаешь? — насмешливо бросил кто-то с заднего сиденья.

— Да я это, — смутился водитель, — так, случайно, когда на нарах, на сутках парился, — оправдывался он.

«Правильные» пацаны, сидевшие на заднем сиденье, заржали.

— Так вы говорите, — вернувшись к прерванному разговору, оглянулся на них Шабуня, — тракторист и вальщик всех баламутят?

— Ну да! — один из братков заискивающе смотрел на Шабуню. — Говорят, если Колхозин не заплатит, как договаривались...

— Ты вот что, — перебил его Шабуня, — скажи Колхозину, пусть вальщика уволит, с вальщиками не проблема, а вот тракториста пусть оставит, такого не сразу найдешь. Пусть заплатит ему по максимуму.

Джип подъехал к деляне, где столпились поджидавшие Колхозина мужики. Шабуня усмехнулся, посмотрев на водителя:

— Почему людям нужно все время напоминать что-то?

Водитель джипа — «качок», как прозвали его братки, — судимости не имел. Обычно Шабуня брал его на разборки, когда дело доходило до крайности. Качок не знал, зачем его взяли на этот раз. Надо, и все. Он знал, что они приедут, он сделает свою работу — постоит, поиграет мускулами. За это ему платили деньги. До этого все разборки проходили мирно, но на этот раз все обстояло иначе.

Взбунтовалась бригада рабочих, недовольных оплатой. Мужики отказались валить лес и не давали это делать другим. Ситуация была паговая. Никто не собирался платить им больше. До этого работяги обычно увольнялись, матерясь и проклиная работодателя, понимая, что их попросту надули. Эти оказались непонятливыми. Выйдя из машин, братки размялись, достали из багажников бейсбольные биты. Подойдя к мужикам, они стали объяснять им на словах, что те неправы. Драка завязалась неожиданно, качка вырубил сразу. Высокий худой чокеровщик огрел его железякой, раскроив лоб. Братки, которых было больше, стали отступать к своим машинам, грозя урыть всех здесь, на этой деляне.

Шабуню веселила эта кровавая бойня. Он снимал все на мобильный и весело ржал, как будто смотрел захватывающий боевик или комедию. Мужики, как Ильи Муромцы, матерясь на чем свет стоит, махали увесистыми кулаками и всем тем, что попадалось под руку. Братки, в руках которых были бейсбольные биты, явно боялись озверевших лесозаготовителей. Видя, что перевес на стороне бунтовщиков, Шабуня выстрелил из пистолета в воздух. Кто-то из мужиков, заскочив в вагончик, пальнул оттуда из ружья. Когда эхо выстрела смолкло, братки отступили. Помогли подняться качку и еще двум своим. Размахивая руками, возбужденно говорили что-то Шабуне, оглядываясь на озлобленных мужиков.

Немыкин стоял на соседнем склоне, наблюдая. «Война началась», — подумал он, сочувствуя мужикам, хотя вчера еще считал их своими врагами. Не дождавшись окончания конфликта, ушел.

Только через неделю вернулся он в поселок. Стараясь ни с кем не встречаться, шел вдоль ручья задними дворами. «Закуплю продуктов, — думал он, — а поутру съезжу в Кавалерово».

У первых домов Федор услышал приглушенный кашель. На берегу ручейка спиной к нему стоял кто-то, прикуривая папиросу. Немыкин осторожно подошел сзади.

Гоша Пелешок — худой высокий наркоман с десятилетним стажем, прозванный в поселке Сквонзяком, курил коноплю, растягивая удовольствие. Немыкин тронул его за плечо. Сквонзяк, вздрогнув от неожиданности, резко обернулся, уставившись на Немыкина как на инопланетянина.

— Здра-асьте, дядь Федь! — придя в себя, поздоровался Гошка, воровато забегав глазами. Его кадык задергался от волнения.

— Здравствуй, Гоша! Ну, как жизнь конопляная?

Гоша поперхнулся, не зная, что ответить.

— Торопись?

Пелешок поспешно кивнул головой:

— Нужно в одно место заглянуть.

— Не торопись, Гоша, еще успеешь помереть от своей конопляной дури. Подыши лучше свежим воздухом.

Гоша съежился, словно заяц перед прыжком, испуганно посмотрел по сторонам.

— Разговор у меня к тебе, Гоша, есть серьезный.

— Какой разговор? — еще больше испугался Пелешок, подумывая, как бы ему убежать от Немыкина.

— Патроны мне нужны.

— Какие еще патроны? — вытаращился на него Сквозняк. Кадык его снова задержался.

— Вот такие, — Федор достал из нагрудного кармана гильзу, показал ее Пелешку. — Помнишь, ты как-то хвастался, что на военных складах знакомый прапорщик все, что хочешь, достать может.

Страх у Сквозняка прошел так же быстро, как появился интерес к деньгам, которые Немыкин вынул из нагрудного кармана.

— Вот задаток! Но смотри, Гоша, не дай бог обманешь...

— Да что вы, дядь Федь! Зуб даю! Вы же меня знаете!

Федор знал, что Сквозняку было свойственно зарекаться, клясться, давать зуб... Не зная, где он достанет патроны, да и достанет ли вообще, Пелешок, не раздумывая, взял деньги. Более того, в голове у Гоши тут же появилась мысль, как бы сдать Немыкина Колхозину за вознаграждение. «Милиция все равно денег не заплатит, — рассуждал он, — а Колхозин, может, и заплатит».

Федор протянул Пелешку пустую гильзу:

— Возьми для образца.

— А где я вас найду?

— Я сам тебя, Гоша, найду, — усмехнулся Немыкин, словно угадав мысли Сквозняка. Он неторопливо захромал к домам, направляясь к крайнему.

Сквозняк, проводив его взглядом, забил новый «косячок». «Весь кайф испортил, циклоп одноглазый». Повертел в руках гильзу, усмехнулся и выбросил ее в ручей.

У своего дома, срубленного отцом в шестидесятых, Федор остановился. Потемневший от времени сруб был еще крепок и мог простоять целое столетие, только перекрой крышу да поправь фундамент. «Вот только для кого? Кто будет жить в нем? Работы в Кавалеровском районе нет. Рудники разворовали. Фабрику разграбили...»

Постояв в проулке, Немыкин направился к Спиридону. Проходя мимо дома Катерины-продавщицы, вспомнил, что когда-то ее муж Иван Голайдо спрашивал у него про такие же патроны. Хозяйка, заметив его у калитки, дружелюбно махнула рукой.

— Заходи, Федор, заходи, чай не чужой! — приветливо улыбнулась она Немыкину. — Только хозяина дома нет сейчас.

— Дядь Федь!

На него, улыбаясь, смотрел сын Ивана, Степан.

— А-а, Степка! — Федор протянул руку, поздоровавшись с мальчишкой. — Ну, как дела? Как в школе учишься?

— Нормально!

— За шишками после занятий ходишь?

— Ой, не говори, — подошедшая хозяйка поманила к себе Степана, подала ему хозяйственную сумку, сказав что-то вполголоса, — как только с уроков придет, так сразу в лес, в распадок, с Павлишиными да Башаровыми пацанами.

Катерина, поправив платок, тяжело вздохнула.

— Что так тяжело-то? Случилось чего?

— Ой, Федя, тут про тебя такое болтают... Милиция тебя ищет.

Федор нахмурился.

— Катерина, ты мне веришь?

— Что ты, Федя! Я-то тебя знаю, но ведь людей не переубедишь...

Степан, вернувшийся из магазина, протянул матери авоську с хлебом.

— Нет, вы поглядите на этого паразита, — ахнула Катерина, — опять все руки в смоле. Да ладно руки, их можно постным маслом оттереть, а как отстирать вот это? Только утром чистую рубашку на него надела...

Мальчишка, «отряхивая» смолу, посмотрел на Немыкина.

— Дядя Федя, а это правда, что вы у нас в распадке кедровник посадили?

— Правда, Степка, правда. Раньше, когда дед мой корову держал, мы вместе с ним выгоняли ее пастись в распадок, орешки кедровые сажали. Захватишь горстку, насыплешь в карман и заостренной палкой тыкаешь в корни березы, орешку кедровую туда бросаешь. За сорок лет кедровник тот почти с меня ростом поднялся.

— А Хлестун — Мишка Безрукий — со своим сынком и племянником березу ту на дрова пилят. Кедрушки, которые им мешают, бензопилой спиливают.

— Я же думал, Степан, березняка защитит кедр, покуда он поднимется, а оказалось, что нет. От людской алчности защиты живой природе, как видно, никогда не будет.

Федор, взъерошив чуб мальчишке, повернулся к калитке.

Спиридона он застал на кухне. Тот бросал в кипяток большие, толстые вареники, помешивая их ложкой.

— Надолго? — спросил он, прикрыв кастрюльку крышкой.

— Да нет. Закуплю продуктов да назад.

— Не надоело еще от людей прятаться?

Федор пожал плечами.

— Прячься не прячься, — продолжал Спиридон, — все одно не спрячешься. Как ни старайся...

— Вот заладил, прячься не прячься, — раздраженно оборвал его Федор, — вечно ты мне настроение испортишь...

Спиридон дождался, когда вареники сварятся, сцедил из кастрюли кипяток. Вывалив их в большую эмалированную чашку, полил постным маслом, встряхнул несколько раз.

— Ну, давай! Присоединяйся! — поставив на стол чашку, он улыбнулся, достал две вилки из кухонного стола. — Давай, давай! Не выкобенивайся! — Он протянул одну вилку гостю.

И опять пошли разговоры о тайге. О том, как сберець ее в Кавалеровском районе, сохранить те немногочисленные девственные уголки, что остались еще нетронутые ушлыми господами-лесозаготовителями и лесхозом, выпиливающими руками безработных кавалеровцев дуб и кедр — кормовую базу Уссурийской тайги.

— Дураки этого не поймут! — горячился Спиридон. — Хихикать будут, покручивать пальцем у виска. Тигр же кедровым орехом да желудем не питается, так при чем тут вырубленные дубравы? Проще по центру Владивостока колонной пройти с размалеванными «тигриными» лицами. Защитить, так сказать, его плакатами да шариками воздушными.

— Не поймут, — согласился с ним Немыкин, — у них свое: провели мероприятие в защиту и успокоились.

— Да-а-а...

Ночь, долгая, мучительная, с привычной уже бессонницей. Скрип панцирной кровати, громкий храп Спиридона и тиканье стареньких ходиков с кукушкой — все это неторопливо растворилось в короткой дреме Немыкина.

Задремав, он оказался у костра братьев Рагулиных. Пустые, ничего не выражающие лица близнецов по ту сторону пламени смотрели на него, как личины идиолов. Костер погас. Темнота, сгустившись до непроницаемой черноты, вдруг взорвалась оскаленной пастью матерого зверя, бросившегося на него молниеносно, подмяв под себя. Немыкин задыхался. Он шарил вокруг рукой, пытаясь нащупать нож. Проснувшись, долго лежал с открытыми глазами. Зверь, так явственно привидевшийся ему, казался реальностью, будто он притаился где-то рядом и выжидает... Немыкин долго ворочался с боку на бок, наконец заснул. Ему снились ленточные

пилорамы во дворах и огородах ушлых земляков-кавалеровцев, выпиливающих втихаря лес вокруг поселка. Он шел по вырубленной тайге. Шел осторожно, боясь оглянуться, чувствуя на своей спине тяжелый взгляд невидимого зверя.

На этот раз медведь напал у землянки, когда Федор зачерпнул воду в колодце. Каким-то чудом Немыкин успел увернуться, вскинуть винтовку и выстрелить. Но что это? Словно в замедленной съемке, он стрелял, стрелял... передергивая затвор, а зверь неумолимо надвигался на него. Патроны кончились. Федор, бросив винтовку, схватился за нож — и проснулся.

«Патроны, патроны, где их достать?» — Немыкин не знал. Гоша пропал. Родители уверяли Немыкина, что и сами не знают, где находится их сын. Уехал якобы в город, во Владивосток, а надолго, кто его знает. Переночевав у Спиридонова, убедившись, что за его домом наблюдает милиция, Федор стал жить у него в ожидании почтальона, разносившего пенсии.

Получив пенсию, он, как и планировал, решил съездить в районный центр, в библиотеку, посмотреть подшивки газет, поискать в них объявления о продаже охотничьих ружей. Выйдя на площади автовокзала, Немыкин обратил внимание на яркие афиши, расклеенные рядом с автобусной остановкой: «Выставка картин...». Имя художника, полотна которого выставлялись в Доме культуры имени Арсеньева, ничего не говорило Федору. Это было по пути в библиотеку. «Авось повезет, — рассуждал он, — раз охотник продает ружье, может, какой-нибудь незарегистрированный ствол и сторгую». Библиотека открывалась с десяти, а выставка — с девяти часов утра. Федор направился к Дому культуры.

В пустующем зале людей почти не было, так, какой-то скушающий молодой человек да сгорбленная неприметная старушка с внуком. Переходя от одного полотна к другому, Немыкин не переставал удивляться. С первого взгляда картины не производили особого впечатления, не бросались в глаза яркостью красок. Это были обыкновенные пейзажи: прибрежные скалы, лес, песчаный берег моря с набегающей волной, но в целом они создавали единую панораму, в центре которой находился рассматривающий их человек.

«Удивительно! — размышлял Федор. — Автор картин мой земляк-кавалеровец, но почему я ничего не слышал о нем?»

— Нравится?

Немыкин оглянулся. Рядом с ним стоял тот самый молодой человек. Посмотрев на него и ничего не ответив, Федор перевел взгляд на одну из картин.

— Это я писал маслом, вживую, бухту Японку.

— Да? — удивился Федор, с интересом посмотрев на улыбающегося парня.

«А и вправду Японка, — подумал он, узнавая знакомые места. — Вон там, в том дубняке, на старой, пробитой еще в советское время пограничниками дороге, господин Иванюта шлагбаум поставил и никого теперь не пропускает. Ладно бы сам бульдозером пробил, было бы понятно, трудозатраты, а то ж на халяву прибрал к рукам общественную дорогу. Всю жизнь люди по ней ездили в бухту Японку отдыхать, а теперь она почему-то оказалась личной собственностью господина Иванюты». Федор с интересом рассматривал картину, парень не меньше Немыкина восторгался своими произведениями. Он смотрел на них восторженными глазами ребенка, продолжая улыбаться.

«Неужели это и есть художник? Мой земляк, нарисовавший такую красоту...» — Федор с удивлением глядел на художника. Молодой человек кивнул на одну из картин.

— Это наша Песчанка — устье реки Зеркальной. Вид от батарей. От того места, где пушки стояли.

— А почему людей нет? Ни на одной картине.

Федор досадливо поморщился, не понимая, зачем он задал этот глупый вопрос.

— А зачем они, люди?

— Не знаю, — еще больше растерялся Немыкин.

У него было такое чувство, будто он один находится на острове, а вокруг только нежное голубое небо, ласковое море да зеленое буйство прибрежных дубрав. Ему даже показалось, что он слышит шум прибоя и шелест листвы на деревьях.

Художник продолжал улыбаться. Он мечтательно смотрел куда-то в даль нарисованного, словно видел что-то далеко-далеко. «Остров» завораживал. «Остров» убаюкивал сознание нежным шелестом волн. Он ласкал Федора своей удивительной красотой деревьев, чаек, цветущего морского шиповника в прибрежной полосе знакомого песчаного пляжа.

— Нравится? — снова переспросил художник.

— Да, — выдохнул Федор, — красиво. Как будто живое: и море, и деревья, и облака... красиво, — повторил он, сравнивая в своем воображении морской простор с лесистыми хребтами, покрытыми густыми хвойниками, волнами убегающими за горизонт.

В читальном зале районной библиотеки было тихо. Немыкин, войдя в него, поздоровался с библиотекаршей, уселся на стул и стал листать подшивки газет «Северного Приморья», выписывая нужные объявления. Домой он вернулся к обеду, с газетой под мышкой и авоськой, набитой продуктами. Присев на диван, почувствовал, как ноют зарубцевавшиеся раны. Как болит и тоскует душа по светлому прошлому — времени, когда человека труда славили всенародно, на Доске почета разместив большие черно-белые фотографии передовиков производства, по обе стороны от входа в ДК имени Арсеньева, где он видел сегодня такие удивительные, ЖИВЫЕ картины художника, фамилию которого так и не мог вспомнить, как ни старался.

Ночью ему приснился «Остров». Художник, взяв кисть, подошел к картине и стал рисовать. Мазок, еще мазок... Остров менялся на глазах. Теперь это были не чистые песчаные пляжи, а мертвые берега, залитые нефтью. В ней в агонии бились птицы: бакланы и чайки. На берегу умирали медузы и рыбы, морские ежи и морские водоросли. Деревья, сбросив листву, выглядели уродливыми карликами. Небо наливалось свинцовыми красками, давило на умирающий остров, на котором повсюду были одни только люди.

— Зачем? — вырвалось у Немыкина. Он с ужасом наблюдал, как кисть художника закрашивает последнее зеленое деревце, отчаянно цепляющееся своими корнями за прибрежную скалу.

Закончив рисовать, молодой человек посмотрел на Федора пристально, изучающе.

— Так будет.

Кисть торопливо бегала по полотну. Художник рисовал людей. Лица, лица... изнеможенные, усталые, голодные, смотрящие куда-то в небо, в его бескрайнюю пустоту, мечтающие найти такой же удивительно прекрасный Остров — планету, которую они покорят и уничтожат во благо человечества.

